

yazyka: Opyit slovarya. Blagoveschensk : Izd-vo Blagovesch. gos. ped. un-ta, 2008. Vyip. 2. S. 39–56.

11. Haydegger M. Byitie i vremya. Harkov : Folio, 2003.

Language lacunas in the light of dialectal logic

There are covered the ontological categories meaningful for finding out the essence of the notion "language lacuna". There are given the arguments for intralinguistic interpretation of lacunas.

Key words: *language lacuna, lacuna unit, virtual unit, language substance, being, non-existence.*

(Статья поступила в редакцию 15.10.2014)

О.А. СЕЛИВЕРСТОВА
(Владимир)

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА» И «ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Рассматриваются подходы к трактовке и соотношению понятий «языковая политика» и «языковое планирование». Предпринята попытка представить классификацию подходов и предложить компромиссное решение проблемы единого наименования, объединяющего содержание данных понятий.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое планирование, языковое строительство, дефиниции, определения.*

Семантическое поле понятия «языковое планирование» включает широкий терминологический ряд, к которому относятся *языковая политика, языковое строительство, языковой менеджмент, языковое обустройство* и т.д. Наибольшей популярностью в лингвистике пользуются термины *языковая политика* и *языковое планирование*. При этом вопрос о содержании указанных понятий и их понятий-

ных дериватов, а также их различии представляется дискуссионным. Многообразие подходов к решению данного вопроса в отечественной и зарубежной лингвистике свидетельствует о неоднородности их терминологического поля и представляет собой актуальную проблему современной теории языка.

Целью настоящего исследования является изучение и систематизация существующих подходов к определению понятий «языковая политика» и «языковое планирование». Достижение указанной цели предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) изучение подходов к определению терминов *языковая политика* и *языковое планирование* в трудах отечественных и зарубежных лингвистов; 2) систематизация и классификация различных подходов к трактовке содержания и объема указанных понятий и их соотношения.

Научная новизна исследования состоит в анализе аутентичных научных работ, не переведенных на русский язык, а также в попытке представить классификацию подходов к обозначенной проблеме в отечественной и зарубежной лингвистике. Материалом для настоящего исследования послужили монографии и научные статьи отечественных и зарубежных лингвистов второй половины XX – начала XXI в.

Автором термина *языковое планирование* считают американского лингвиста У. Вайнрайха, впервые употребившего этот термин в 1957 г. на семинаре в Колумбийском университете. Однако первое определение языкового планирования (Language Planning) было дано в 1959 г. норвежским лингвистом Э. Хаугеном. Интересно, что эволюция толкования данного понятия в работах Хаугена прошла путь от чрезвычайно узкой трактовки языкового планирования как деятельности «по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены однородных речевых коллективов» [12, с. 8] до широкой, состоящей в вынесении «суждения в форме одной из нескольких имеющихся языковых форм» и даже еще более общего понимания языкового планирования как «оценки языкового изменения» [7, с. 441].

Становление понятия «языковое планирование» в зарубежной лингвистике шло преимущественно по пути его расширения и уточнения объектов языкового планирования с одновременным изменением представлений о его субъектах. Так, в первом определении Ха-

угена, установившего рамки языкового планирования на ближайшие годы, объектом выступает корпус языка. В 1969 г. немецкий лингвист Х. Клосс предложил в дополнение к существующему новый объект языкового планирования, связанный «не со структурой или формой языка, но с его положением по отношению к другим языкам или по отношению к национальному правительству <...>, заинтересованному, прежде всего, в статусе языка...» (здесь и далее перевод наш. – О.С.) [14, с. 81]. Такая трактовка в разной степени разделяется большинством лингвистов того времени, о чем свидетельствует анализ определений понятия «языковое планирование», относящихся к 1959–1989 гг., представленный в 1989 г. Р. Купером в книге «Языковое планирование и социальные изменения». Сам же Купер считает необходимым выделение третьего объекта *языкового планирования* – «овладения языком», о чем прямо говорится в предложенном ученым определении: «целенаправленные усилия по воздействию на поведение других людей в отношении овладения языком, его структуры и функционального распределения языковых кодов» [10, с. 45]. Примечательно, что в трактовке Купера «овладение языком», «структура» и «функциональное распределение языковых кодов» являются опосредованными объектами языкового планирования. Непосредственным объектом в данном случае выступает «поведение других людей», таким образом, на первый план выходит воздействие не на сам язык, а на его «жизнь» в обществе.

В отечественной лингвистике 60 – 70-х гг. XX в. также возрастает интерес к проблемам *языковой политики* и *языкового планирования*, однако подходы к трактовке понятия «языковое планирование» отличаются от подходов западных лингвистов. Так, понятию «языковое планирование» в западной лингвистике зачастую соответствует термин *языковое строительство*, более популярный в трудах отечественных ученых. Термин *языковое планирование* часто используется в широком смысле. Например, по мысли А.Д. Швейцера, «языковое планирование фактически охватывает любое сознательное и целенаправленное воздействие на язык» [8, с. 119]. Важным вкладом А.Д. Швейцера в разработку теории языковой политики можно считать описание экстралингвистических предпосылок языковой политики, а также два ее направления: ретроспективное и перспективное. При этом последнее он отождествляет как с языковым строительством, так и с языковым планированием.

Столь распространенный в отечественной лингвистической традиции термин *языковая политика* в лингвистике появился в 1970 г. Его автором считают американского социолингвиста Дж. Фишмана. Польский лингвист Б. Спольски предпринял попытку описать структуру понятия «языковая политика», которая, по мысли Спольски, включает в себя такие компоненты, как «1) языковая ситуация – привычные модели выбора из существующих в обществе языков и их вариантов, составляющих языковую палитру; 2) убеждения и идеология в области языка – убеждения относительно языка и его использования; 3) практические действия, направленные на изменение или воздействие на существующую ситуацию путем любых видов вмешательства в вопросы языка, планирования или управления» [17, с. 5].

В ходе дальнейшего развития данного направления социолингвистики наметились новые, подчас противоречащие друг другу подходы к вопросу соотношения понятий «языковая политика» и «языковое планирование». На основании проведенного нами анализа считаем возможным выделить несколько подходов к указанной проблеме.

1. *Языковая политика – составляющая часть языкового планирования* (Д. Кристал, Р. Каплан, М.И. Исаев и др.). Обобщая в рамках указанного подхода взгляды разных лингвистов, необходимо принимать во внимание и некоторые различия в их толковании типов взаимоотношений этих понятий. Так, в работах Д. Кристала *языковое планирование* выступает как источник, предшественник *языковой политики*: «Языковое планирование предполагает создание и воплощение в жизнь официальной политики в отношении того, какие языки и варианты языка должны использоваться в государстве» [11, с. 364]. Выдающийся советский лингвист М.И. Исаев трактует языковое планирование как понятие, объединяющее «теорию и практику активного контроля над процессом языкового развития», отождествляя указанные компоненты с языковой политикой и языковым строительством соответственно [5, с. 35]. В представлении Р. Каплана, между указанными понятиями прослеживается двусторонняя связь: «реализация языкового планирования ведет к провозглашению правительством языковой политики и ею управляется» [13, с. 4]. При этом языковую политику он воспринимает как «совокупность идей, законов, норм, правил и действий, нацеленных на достижение желаемых изменений в

языковой ситуации в обществе, группе или системе» [13, с. 4].

2. *Языковое планирование – составляющая часть языковой политики.* Описывая свой взгляд на структуру языковой политики, Л.Б. Никольский выделяет два направления: поддержание «статус-кво» литературного языка (препятствующее искажению существующей нормы) и работу по стандартизации языка или создание новых языковых систем. Последнее направление он называет языковым планированием: «Будучи практикой сознательного вмешательства в языковое развитие, языковая политика включает в качестве составных частей культуру языка и языковое планирование» [6, с. 7].

3. *Языковое планирование – практическая реализация языковой политики (Г. Шифман, Г. Фергусон, Р. Бугарски).* Г. Шифман в своей книге “Linguistic Culture and Language Policy (The Politics of Language)” в качестве «рабочих» определений для указанных понятий использует дефиниции, предложенные сербским лингвистом Бугарски. По мысли исследователя, «языковая политика относится главным образом к политике общества в сфере языковой коммуникации, а именно совокупности взглядов, принципов и решений, отражающих отношение сообщества к речевому репертуару и коммуникативному потенциалу» [16, с. 3]. *Языковое планирование* Г. Шифман определяет как «совокупность конкретных мер, предпринимаемых в рамках языковой политики в целях воздействия на лингвистическую коммуникацию в сообществе, обычно при помощи воздействия на развитие языков» [Там же]. Похожим образом Фергусон трактует языковую политику, понимая ее как «выражение намерения», а языковое планирование – как его реализацию.

4. *Языковая политика – практическая реализация языкового планирования.* Описывая соотношение понятий «языковая политика» и «языковое планирование», М. Феттс утверждает, что «языковое планирование должно быть связано с критической оценкой языковой политики, где первое обеспечивает стандарты рациональности и эффективности, а последняя проверяет эти идеи на практике, чтобы способствовать созданию более совершенных моделей языкового планирования» [15, с. 25].

Отдельно следует отметить два противоположных подхода. Так, некоторые лингвисты предпочитают использовать термин *языковая политика*, в то время как другие выбирают термин *языковое планирование*. При этом каждый из указанных терминов выступает в их работах как самодостаточное поня-

тие, включающее в себя все многообразие возможных воздействий на разные стороны языка и его функционирования в обществе, а также идеологические установки, лежащие в их основе. Так, А.Д. Швейцер понимал языковую политику как «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм» [8, с. 117]. При этом исследователь высказывает мнение о том, что «термин *языковое планирование* неудачен, так как он действительно может создать представление о том, что развитие языка можно сознательно направлять по тому или иному руслу» [9, с. 71]. Более распространенные в советском языковедении термины *языковая политика* и *языковое строительство*, по его же мнению, подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно развивающиеся языковые процессы, причем вмешательство, ограниченное различной восприимчивостью языковых подсистем и влиянием извне» [9, с. 72]. В.А. Аврорин называет «языковой политикой» систему мер «сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру...» [1, с. 28]. Еще более широкое значение понятие «языковая политика» получает в работах Ю.Д. Дешериева, который рассматривает языковую политику как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [4, с. 345]. Примечательно, что указанные определения в той или иной степени соответствуют дефинициям, предлагаемым приверженцами термина *языковое планирование*, к числу которых относится ряд зарубежных, а также некоторые отечественные лингвисты. Так, Е.Б. Гришаева в монографии «Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве», подводя итог анализа дефиниций терминов *языковая политика* и *языковое планирование*, говорит о «построении теории воздействия общества на язык» как главной цели исследователей в области языковой политики и языкового планирования и отмечает, что по сравнению с термином *языковая политика* «термин *языковое планирование* более лоялен и отвечает настроениям большинства этнически разнородного населения в различных странах» [2, с. 37].

Проведенный нами анализ подходов к трактовке понятий «языковая политика» и

«языковое планирование» показывает существующее многообразие определений, которое создает предпосылки для терминологической неточности, особенно при изучении и сравнительном анализе языковой политики и языкового планирования разных стран. Так, для отечественной научной традиции более характерно использование термина *языковая политика*, в то время как в зарубежной лингвистике более широкое распространение имеет термин *языковое планирование*. Тем не менее содержание указанных понятий имеет ряд общих особенностей. Так, большинство исследователей признают существование идеологических установок и целей, определяющих воздействие на различные стороны языка и его функционирование в обществе, и практических мер по осуществлению такого воздействия. Учитывая этот факт, считаем целесообразным для целей изучения и описания предпосылок и процессов, относящихся к этому разделу социолингвистики, использование терминологического многочлена *языковая политика и планирование*, ставшего в последние десятилетия широко распространенным в трудах зарубежных лингвистов (*LPP – language policy and planning*).

Литература

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л. : Наука, 1975.
 2. Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск : РИО КрасГУ, 2006.
 3. Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990.
 4. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М. : Наука, 1977.
 5. Исаев М.И. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка // Язык и общество. М. : Наука, 1968.
 6. Никольский Л.Б. Прогнозирование и планирование языкового развития: докл. на VII Междунар. социол. конгр. М., 1970.
 7. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII : Социолингвистика. М., 1975. С. 441–472.
 8. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М. : Высш. шк., 1978.
 9. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М. : Наука, 1971.
 10. Cooper R.L. Language Planning and Social Change. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
 11. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. N. Y. : Cambridge University Press, 1987.
 12. Haugen E. Planning for a Standard Language in Modern Norway // Anthropological Linguistics. 1959. Vol. 1. №. 3.
 13. Kaplan R.B., Baldauf R.B. Language Planning from Practice to Theory. Multilingual Matters, 1997.
 14. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. Quebec: International Center for Research on Bilingualism, 1969.
 15. Ricento T. An introduction to language policy: Theory and method. N. Y. : Blackwell Publishing, 2005.
 16. Schiffman H. Linguistic culture and language policy. (The politics of language.) L. : Routledge, 1996.
 17. Spolsky B. Language policy: Key topics in sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- * * *
1. Аврорин В.А. Problemy izucheniya funktsionalnoy storonyi yazyika (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki). L. : Nauka, 1975.
 2. Grishaeva E.B. Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i multikulturnom prostranstve (funktsionalnyy aspekt) / Krasnoyar. gos. un-t. Krasnoyarsk : RIO KrasGU, 2006.
 3. Desheriev Yu. D. Yazykovaya politika // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. M. : Sov. entsikl., 1990.
 4. Desheriev Yu.D. Sotsialnaya lingvistika. K osnovam obschey teorii. M. : Nauka, 1977.
 5. Isaev M.I. Yazykovoe stroitelstvo kak odin iz vazhneyshih ekstralingvisticheskikh faktorov razvitiya yazyika // Yazyik i obschestvo. M. : Nauka, 1968.
 6. Nikolskiy L.B. Prognozirovaniye i planirovaniye yazykovogo razvitiya: dokl. na VII Mezhdunar. sotsiol. kongr. M., 1970.
 7. Haugen E. Lingvistika i yazykovoe planirovaniye // Novoe v lingvistike. Vyip. VII : Sotsiolingvistika. M., 1975. S. 441–472.
 8. Shveytser A.D., Nikolskiy L.B. Vvedeniye v sotsiolingvistiku. M. : Vyisshaya shkola, 1978.
 9. Shveytser A.D. Voprosyi sotsiologii yazyika v sovremennoy amerikanskoj lingvistike. M. : Nauka, 1971.
 10. Cooper R.L. Language Planning and Social Change. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
 11. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. N. Y. : Cambridge University Press, 1987.
 12. Haugen E. Planning for a Standard Language in Modern Norway // Anthropological Linguistics. 1959. Vol. 1. №. 3.
 13. Kaplan R.B., Baldauf R.B. Language Planning from Practice to Theory. Multilingual Matters, 1997.

14. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. Quebec: International Center for Research on Bilingualism, 1969.

15. Ricento T. An introduction to language policy: Theory and method. N. Y. : Blackwell Publishing, 2005.

16. Schiffman H. Linguistic culture and language policy. (The politics of language.) L. : Routledge, 1996.

17. Spolsky B. Language policy: Key topics in sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Considering the issue of definition differences of the notion “language policy” and “language planning” in the domestic and foreign linguistics

There are considered the approaches to the interpretations and correlation of the notions “language policy” and “language planning”. There is made the attempt to classify the approaches and to suggest the compromise solution of the united name issue that combines these notions.

Key words: *language policy, language planning, language construction, definitions.*

(Статья поступила в редакцию 15.10.2014)

Н.Н. ОСТРИНСКАЯ
(Волгоград)

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ЭКСПРЕССИВНОЙ
ТЕНСИОНАЛЬНОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале французского языка)**

На материале французского языка показана связь между ключевыми, кульминационными эпизодами текста и его насыщенностью различными средствами, обеспечивающими эмотивно-экспрессивную составляющую текста.

Ключевые слова: *художественный текст, тензиональность, эмоционально-экспрессивная напряженность, лексические средства, отрицательная коннотация.*

Художественный текст обладает определенными особенностями и вследствие наличия в нем различных жанров не является однородным образованием. Особенности худо-

жественного текста выступают все языковые показатели: лексическое наполнение, грамматика (морфология и синтаксис), архитектура текста, с которой связаны его сюжетная линия, его хронотоп. К специфике восприятия текста можно отнести реакцию читателя, в том числе и психологическую реакцию, интерпретацию им художественного текста, его эмоциональную и рациональную стороны.

Текст художественного произведения – это конструкт, обладающий целым кластером эксплицитных и имплицитных средств, относящихся к разным уровням языка и являющихся предметом исследования различных лингвистических дисциплин. Анализируются фонетические особенности, ритм текста, причем не только поэтического, но и прозаического, лексическое наполнение, выделяются ключевые слова, рассматриваются тропы и фигуры, используемые автором, рассматриваются синтаксис текста, особенности его композиции и т.д. Все в тексте подчинено интенции автора. Все в тексте продумано. Даже деление текста на абзацы является композиционно-стилистическим средством [1, с. 58–62].

В связи с вышесказанным можно предположить, что в тексте имеется определенная связь между ключевыми, кульминационными эпизодами текста и его насыщенностью различными средствами, обеспечивающими эмотивно-экспрессивную составляющую текста. Представляет интерес то, каким образом эти средства соотносятся друг с другом, какова их плотность в архитектонике текста. И наоборот, используются все эти выразительные средства в относительно нейтральных эпизодах текста или же текст теряет свою внутреннюю коммуникативную напряженность.

Для исследования подобного явления мы будем использовать термин *тензиональность* (от фр. *tension* – напряжение). Под тензиональностью текста мы понимаем концентрацию (плотность) фонетических, графических, лексических, синтактико-стилистических экспрессивных средств, которые используются автором в композиционном построении текста. Если следовать логике создания художественного произведения, то можно предположить, что тензиональность возникает за счет концентрации выразительных средств языка в кульминации текста. Данная гипотеза нуждается в проведении специального исследования и разработке модели тензиональности текста. Тензиональность текста связана с некото-